

ОЧЕРКИ ПО ГНОСЕОЛОГИИ ¹⁾.

I.

Какъ исторически создалось преобладаніе въ современной философіи гносеологическаго интереса?

Было время, когда философы вопросами гносеологическими, или вопросами теории и критики познания, совсѣмъ не занимались или занимались мимоходомъ, какъ бы случайно и не сознавая ихъ особенной, принципиальной важности. Такъ было въ античной философіи. Греческіе мыслители предпочитали осуществить задачу познания всѣхъ „божескихъ и человѣческихъ вещей“, а не размышлять много о разрѣшимости этой задачи и о средствахъ ея разрѣшенія. Настало время, когда философія почти исключительно занимается вопросами гносеологическими, а отъ гордаго притязанія на познаніе всѣхъ „божескихъ и человѣческихъ вещей“ отреклась настолько основательно, что назвать какого-либо философа „метафизикомъ“ сдѣлалось равносильнымъ нанесенію ему тяжкаго оскорбленія или опороченію его добраго имени. Это время—наше время. Противоположность интересовъ и задачъ съ интересами и задачами философіи античной—самая полная!

Что же произошло за тотъ долгій періодъ времени, который отдѣляетъ насъ отъ грековъ? Откуда такая „переоцѣнка цѣнностей“?

Окидывая общимъ взглядомъ исторію философіи отъ Талеса до нашихъ дней, мы видимъ любопытную и въ своемъ

---

¹⁾ Изъ лекцій, читанныхъ въ Московскомъ Университетѣ въ теченіе осенняго семестра 1906 года.

родѣ единственную картину—полнаго разгрома и крушенія тѣхъ началъ и притязаній, которыя нѣкогда побѣдоносно покоряли себѣ умы мыслящаго человѣчества и привлекали самыхъ гениальныхъ работниковъ къ созиданію грандіозныхъ, всеобъемлющихъ и всеобъясняющихъ системъ философіи. Разгромъ этотъ совершенъ положительными науками, [которыя сначала довольствовались скромной и подчиненной ролью по отношенію къ философіи (даже [ролью простыхъ частей ея), а потомъ исподволь эмансипировались, научились стоять на своихъ собственныхъ ногахъ и, наконецъ, такъ гордо подняли голову, что ихъ родоначальницѣ и прежней царицѣ, философіи, пришлось уже идти на копромиссы и размежевываться съ ними, какъ съ равноправными претендентками на познаніе міра. Но и такое положеніе скоро стало „для философіи лишь пріятнымъ воспоминаніемъ. Позитивизмъ, подъ знаменемъ котораго стали наиболѣе преуспѣвшія науки (главнымъ образомъ, естественныя), подписалъ смертный приговоръ философіи въ старомъ смыслѣ этого слова и объявилъ себя единственною философіей. Отъ этого разгрома философія не оправилась и доселѣ. Потому то теперешніе философы, за рѣдкими исключеніями, такъ и стыдятся прослыть „метафизиками“.

Но вмѣстѣ съ этимъ разгромомъ античныхъ традицій, объ руку съ нимъ, въ самой философіи нарождалось и развивалось движеніе, которое на мѣсто упраздняемыхъ принциповъ, притязаній и задачъ выдвигало новыя предпріятія, съ наукой не конкурировавшія, даже содѣйствовавшія ей въ разрушеніи метафизики, но, во всякомъ случаѣ, спасавшія отъ истребленія имя и честь философіи. Это были работы по теоріи и критикѣ познанія. Начавшись съ скромныхъ и даже позитивно настроенныхъ „опытовъ“ и „изслѣдованія“ Локка и Юма, это движеніе въ лицѣ Лейбница показало, что на солидномъ гносеологическомъ базисѣ философія можетъ отважиться и на метафизическую антрепризу; а въ безсмертной Кантовой „Критикѣ чистаго разума“ оно воздвигло такую твердыню, о которую безсильно разбиваются волны самаго энергичнаго антифилософскаго натиска. Правда, базируясь на эту твердыню, нѣкоторые предпріимчивые и смѣлые умы (Фихте, Шеллингъ, Гегель, Шопенгауэръ) рѣшились заговорить въ прежнемъ авторитетно-философскомъ тонѣ и попы-

тались снова привести мыслящее человечество къ присягѣ на вѣрность метафизикѣ: но эта попытка едва не стоила жизни философіи, потому что чѣмъ сильнѣе было обаяніе этой „поэзіи понятій“, и чѣмъ полнѣе ея триумфъ, тѣмъ скандальнѣе оказалось ея крушеніе. Болѣе всего скопрометировала философію наиболѣе нашумѣвшая Гегелевская система: въ ней вполнѣ воскресъ властный античный духъ;—любопытно отмѣтить, что именно въ стилѣ античныхъ философовъ Гегель отрицалъ значеніе гносеологии, заявляя, что ея притязанія такъ же нелѣпы, какъ желаніе научиться плавать, не входя въ воду. За краткимъ шумнымъ успѣхомъ послѣдовалъ столь же шумный провалъ: философію стали высмѣивать.—просто только цитируя Гегеля (срав., напр., въ извѣстной книгѣ: *A. Riehl, Der philosophische Criticismus*, В. 2. Т. 2., SS. 120—127). Былъ моментъ, когда казалось, что позитивизмъ достигъ окончательной побѣды.

Но, говорить одинъ изъ свидѣтелей этого момента (извѣстный Альб. Ланге), „какъ разбитая армія высматриваетъ крѣпкій пунктъ, гдѣ она надѣется снова собраться и привести себя въ порядокъ, такъ повсюду послышался въ философскихъ кружкахъ того времени пароль: вернуться къ Канту (*Zurück nach Kant*)“! И вотъ, въ половинѣ прошлаго столѣтія „серьезно взялись за это возвращеніе къ Канту (рѣчь идетъ ближайшимъ образомъ о Германіи, доселѣ являющейся главной философской мастерской) и при этомъ случаѣ нашли, что точка зрѣнія великаго Кенигсбергскаго философа, въ сущности, никогда еще не могла быть названа съ полнымъ правомъ опровергнутой;—что есть даже всяческія основанія, побуждающія вникнуть въ глубины Кантовой системы самыми строгими изысканіями, какія до сихъ поръ прилагались изъ всѣхъ философовъ почти къ одному Аристотелю (*А. Ланге, Исторія матеріализма*, пер. *Страхова*, изд. 2-ое, стр. 327).

Права гносеологическихъ изысканій въ предѣлахъ самой философіи теперь безусловно признаны. Но вмѣстѣ съ тѣмъ признана и рискованность метафизическихъ экскурсій: судьба Фихте-Шеллинго-Гегелевской „романтики понятій“ еще слишкомъ хорошо памятна. Школа новокантіанцевъ, имманентная философія, эмпириокритицизмъ — вотъ наиболѣе авторитетные теперь представители философской мысли, а они сво-

дять всю философію къ гносеологіи. Даже склонные къ метафизикѣ мыслители (Фехнеръ, Лотце, Гартманъ, Вундтъ) отводятъ много мѣста гносеологическому обоснованію своихъ системъ. А заносчивую фразу: „выучиться плавать, не входя въ воду“, теперь ужъ никому не придетъ охоты повторять.

Вотъ какъ созидалось то современное положеніе гносеологіи и полное поглощеніе ею всей философіи, о которомъ мы говорили въ самомъ началѣ.

II.

Гносеологія, какъ контрольная инстанція правомѣрности философской работы и предеветика въ выработкѣ міровоззрѣнія.

Но не однѣ только внѣшнія перипетіи исторической борьбы философіи за свое существованіе, не одни только тактическіе соображенія этой борьбы и личный подборъ работниковъ въ философской области создали гносеологіи такое преобладающее, почти исключительное положеніе. Въ результатѣ этой борьбы и этого подбора получилось, во всякомъ случаѣ, нѣкоторое реальное и обѣими сторонами признаваемое размежеваніе философіи съ специальными науками, а съ другой стороны,—и установка положительныхъ задачъ философіи. Блюстительницей этого результата, инстанціей въ которой рѣшается вопросъ о правомѣрности тѣхъ или иныхъ притязаній, въ случаяхъ столкновенія между научнымъ и философскимъ изслѣдованіемъ, и тѣхъ или иныхъ попытокъ разрѣшенія положительныхъ задачъ философіи,—такой рѣшающей инстанціей является въ настоящее время гносеологія.

Свое воззрѣніе на положительныя задачи философіи мы раскрыли въ сочиненіи: „Исторія философіи, какъ процессъ постепенной выработки научно обоснованнаго и истиннаго міровоззрѣнія“ (изд. въ 1899 г., стр. 37). Сущность его вкратцѣ можетъ быть резюмирована такимъ образомъ. Научныя задачи философіи состоятъ въ изслѣдованіи и рѣшеніи общихъ вопросовъ міропознанія и жизнепониманія, обсужденіе которыхъ лежитъ внѣ сферы прямыхъ задачъ специальныхъ наукъ, да въ большинствѣ случаевъ — и внѣ компетенціи послѣднихъ. Специальныя науки такое или

иное рѣшеніе этихъ вопросовъ то молчаливо и безъ доказательствъ предполагають, то совершенно игнорируютъ. Но, во всякомъ случаѣ, онѣ не могутъ обойтись безъ извѣстныхъ общихъ понятій и принциповъ (апріорные элементы наукъ), принимаемыхъ совсѣмъ догматически. Въ качествѣ примѣровъ можно указать на извѣстныя представленія о пространствѣ въ геометріи, о пространствѣ и времени въ механикѣ, о свободѣ воли, вмѣняемости и нравственной отвѣтственности въ юридическихъ наукахъ, о природѣ духовнаго начала въ психологіи, о бытіи и чувственныхъ свойствахъ тѣлъ въ физикѣ и химіи и т. д. Поскольку спеціально-научная работа принимаетъ философскій характеръ, эта догматичность, конечно, ослабляется; но въ повседневной своей работѣ науки обыкновенно не чувствуютъ нужды въ философскомъ отношеніи къ этимъ своимъ элементамъ. Философія, дѣлая эти общія понятія и принципы предметомъ своего спеціального изслѣдованія, частію углубляетъ фундаментъ спеціальныхъ наукъ, частію провѣряетъ его прочность. Никто не можетъ оспаривать, что она въ этомъ случаѣ имѣетъ свой собственный предметъ. Она освобождаетъ научное знаніе отъ догматизма и приводитъ въ ясность послѣднія основы знанія. Но этого мало. Міръ, какъ цѣлое, ускользаетъ отъ раздробленнаго спеціализаціей вниманія наукъ. Лишь философія, познающая цѣну и относительное значеніе различныхъ научныхъ предпосылокъ, въ состояніи правильно поставить самый вопросъ то о бытіи въ его цѣломъ и искать условій для рѣшенія этого вопроса. Если, затѣмъ, мы только вообразимъ себѣ эту послѣднюю сторону философской задачи выполненной, то безъ труда поймемъ, что философія не можетъ ограничиться только провѣркой, углубленіемъ и синтезироваціемъ критически провѣренныхъ предпосылокъ спеціальныхъ наукъ. Несомнѣнно, что спеціальныя науки еще не настолько полно захватили для своего изслѣдованія разныя сферы дѣйствительности, чтобы не оставалось болѣе не только невѣдомыхъ, но даже и не подозрѣваемыхъ уголковъ міра. Такимъ образомъ, синтезъ философски провѣренныхъ предпосылокъ спеціальныхъ наукъ еще отнюдь не даетъ картины цѣлаго міра. Эту картину философія должна конструировать, продолжая и распространяя предположенія наукъ въ стороны, не предусматриваемыя прямыми интересами спеці-

альнаго изслѣдованія, и дополняя ихъ нѣкоторыми новыми предположеніями (гипотезами), которыя стоятъ въ логическомъ согласіи съ первыми и необходимы для полнаго и систематическаго міровоззрѣнія.

Но если современная философія еще сравнительно бесспорно можетъ находить для себя предметъ и задачи, не захваченные спеціальными науками, то самая возможность рѣшать эти задачи и изслѣдовать этотъ предметъ, напротивъ, весьма сильно оспаривается какъ противниками философіи вообще, такъ равно и многими изъ философовъ. Часто приходится и читать и слышать, что философскія проблемы и предметы философскаго изслѣдованія лежатъ за предѣлами достовѣрно познаваемаго,—образуютъ область темныхъ и произвольныхъ догадокъ, поле безконечныхъ и бесплодныхъ споровъ. Самое имя метафизики или ученія о сущности вещей, какъ мы видѣли, въ устахъ многихъ является синонимомъ фантастическихъ и ненаучныхъ построеній. Философію нерѣдко хотятъ изгнать изъ семьи наукъ и отнести къ искусствамъ, поставить наряду съ поэзіей. Такое отношеніе къ положительнымъ задачамъ философіи, какъ мы видѣли, имѣетъ свое историческое основаніе. Но чтобы не быть простымъ предразсудкомъ, а имѣть и логическое оправданіе, оно должно опираться на научное изслѣдованіе условій и границъ достовѣрнаго знанія. Съ другой же стороны, и философы, вѣрящіе въ возможность положительнаго рѣшенія своихъ проблемъ, обязаны, въ свою очередь, оправдать эту вѣру подобнымъ же изслѣдованіемъ познавательныхъ способностей человѣка.

Такимъ образомъ, два противоположныхъ интереса относительно философіи приводятъ къ одной и той же задачѣ. На первый планъ въ современныхъ философскихъ изслѣдованіяхъ естественно выдвигаются вопросы гносеологическіе. На этой почвѣ философія должна вести борьбу за свое существованіе въ качествѣ науки. Здѣсь же должна она искать опоры и для своихъ положительныхъ построеній и указанія на границы и методы своего изслѣдованія. Отсюда становится вполне понятнымъ, почему среди современныхъ философскихъ произведеній преобладаютъ гносеологическія изслѣдованія. Философы, убѣжденные въ невозможности метафизики, сводятъ всю научную часть философіи къ теоріи и

критикѣ познанія, объявляя изслѣдованіе всѣхъ такъ называемыхъ трансцендентныхъ или метафизическихъ вопросовъ чисто отрицательной дисциплиной или же особаго рода умственныхъ творчествомъ, имѣющимъ только субъективную цѣнность. Сторонники же метафизики видятъ въ гносеологіи необходимую пропедевтику къ метафизическимъ изслѣдованіямъ. Не оправдавъ научно своей гносеологической точки зрѣнія, метафизикъ всегда подвергнется упреку въ ненаучномъ, догматическомъ отношеніи къ своимъ задачамъ. Это обстоятельство создаетъ большія трудности для научной разработки положительныхъ философскихъ задачъ. Прогрессивное движеніе философіи необходимо тормозится спорностью и не установленностью гносеологическихъ принциповъ. Поэтому такъ мало сравнительно философскихъ силъ посвящается теперь разработкѣ метафизики ¹⁾.

III.

Необходимость систематическаго изученія гносеологіи въ высшихъ школахъ.

Итакъ, мы видимъ, какое важное значеніе для философской работы въ настоящее время имѣетъ гносеологія. Этимъ значеніемъ, мы думаемъ, оправдывается польза и необходимость систематическаго, а не историческаго только или даже историко-критическаго изученія ея въ нашихъ высшихъ школахъ. Эта польза и необходимость давно признаны на западѣ. Тамъ въ обзорѣняхъ университетскаго преподаванія вы всегда увидите — „Erkenntnisslehre“ или „Erkenntnisstheorie“ (иногда вмѣстѣ съ логикой—„Logik und Erkenntnisstheorie“). У насъ до послѣдняго времени этого почти нигдѣ не было. У насъ въ университетахъ изученію философіи вообще до послѣдняго времени было отведено довольно скромное мѣсто—въ системѣ историко-филологическаго образованія: философія являлась только однимъ изъ элементовъ этого образованія. Соответственно этому, и изученіе ея сводилось, по большей части, къ изученію исторіи философіи. Да и это

¹⁾ Приведенное въ этой главѣ резюме нашихъ воззрѣній на положительныя задачи философіи можно читать также въ статьѣ нашей: „Гносеологія Рилля“, — въ „Вопросахъ философіи и психологіи“, кн. 58, стр. 433—435.

являлось въ сущности выступленіемъ изъ рамокъ, намѣченныхъ университетскимъ уставомъ 1884 года. Послѣдній проектировалъ изученіе только Платона и Аристотеля. Для осуществленія такой скромной задачи считалось достаточнымъ имѣть въ университетѣ только одного профессора философіи. Нужны были особыя ходатайства нѣкоторыхъ университетовъ, чтобы увеличить количество штатныхъ преподавателей до двухъ. Но и это доселѣ сдѣлано не вездѣ. Насколько ненормально такое положеніе дѣла,—едва ли нужно разъяснять. Достаточно сказать, что въ Германіи, напримѣръ, наоборотъ, науки историческія, филологическія, математическія и естественныя входятъ въ составъ наукъ философскаго факультета. И дѣйствительно, если потребность въ выработкѣ міровоззрѣнія не считать излишней роскошью,—а этого, конечно, не скажетъ ни одинъ историкъ и ни одинъ филологъ,—то отводить изученію философіи такую подчиненную и служебную роль въ высшей степени странно.

Если, такимъ образомъ, изученіе философіи въ университетѣ должно имѣть самостоятельное значеніе, готовить учащихся къ опытамъ собственнаго философствованія, то ограничивать его одной исторіей философіи совершенно невымыслимо. Исторія философіи, безспорно, въ высшей степени важна для этой цѣли; мало того,—безъ нея шагу нельзя ступить въ самостоятельной философской работѣ; еще того болѣе,—самая эта работа должна въ весьма значительной мѣрѣ состоять въ синтезѣ исторически и критически оправданныхъ результатовъ всего предшествующаго философскаго развитія; наконецъ, мы даже охотно подпишемся подъ положеніемъ, что философія есть въ извѣстномъ смыслѣ ея исторія: и тѣмъ не менѣе, не смотря ни на что это, мы всетаки скажемъ, что одной исторіи философіи для подготовки къ самостоятельному философствованію безусловно недостаточно!

Историко-филологическому факультету Московскаго Университета у насъ въ Россіи принадлежитъ безспорная честь самой полной и правильной оцѣнки цѣли и интересовъ изученія философіи. Имѣя формальное право оставаться на прежней точкѣ зрѣнія, т. е. на точкѣ зрѣнія устава 1884 года, онъ однако же не сдѣлалъ этого, а напротивъ, отнесся къ организаціи философской группы предметовъ преподаванія съ особеннымъ вниманіемъ и обнаружилъ въ этомъ дѣлѣ

такую смѣлую и широкую инициативу, какой, насколько мы знаемъ, ни въ одномъ еще русскомъ университетѣ не оказалось. Систематическая философія—и въ ея составѣ гносеология—заняла подобающее ей мѣсто наряду съ психологіей и исторіей философіи.

Если бы даже исторія философіи и должна была давать весь матеріалъ для построения собственной системы (а этого, конечно, отнюдь нельзя сказать, такъ какъ это равнялось бы запрету дальнѣйшаго философскаго творчества, которое однако, мы вѣримъ, не изсякнетъ вѣчно...), то и тогда систематизаціи и критической обработкѣ этого матеріала все-таки надо учиться. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, избравъ по жребію или слѣпой симпатіи извѣстнаго философа, закалатъ во славу его гекатомбы изъ всѣхъ несогласныхъ съ нимъ философскихъ системъ и награждать вѣнкомъ безмертія согласныхъ мыслителей. Вѣдь философіи нельзя научиться, ее надо создать въ себѣ и для себя. А для этого надо самому проработать тѣ проблемы, какія выдвигаются на арену современнаго философскаго вниманія всѣмъ доселѣшнимъ развитіемъ философіи.

Правда, здѣсь возникаетъ возраженіе съ другой стороны,— и въ Россіи оно нерѣдко высказывается: можно сказать, что нельзя обязывать профессора создавать философскую систему;—это значило бы заставлятъ его быть тѣмъ, въ чемъ, можетъ быть, ему сама судьба отказала... Но, вопервыхъ, почему же такое страшное соображеніе не остановило нѣмцевъ? Вѣдь не думаютъ же они, что всѣ ихъ профессора философіи — прирожденные творцы системъ? Вовторыхъ, разсуждая такъ, пожалуй, и во многихъ наукахъ пришлось бы читать только ихъ исторію... Втретьихъ, требованіе отъ профессора системы философіи вѣдь еще не предрѣшаетъ степени самостоятельности этой системы: даже изъ попавшихъ въ исторію системъ многія свѣтять заимствованнымъ свѣтомъ. Вчетвертыхъ, наконецъ, если система будетъ даже лишь систематизаціей и критическимъ отборомъ исторически извѣстнаго, то и тогда она для иного талантливаго слушателя послужитъ небезполезной канвой.

Только историческое изученіе, какъ одностороннее, представляетъ даже нѣкоторую опасность, грозитъ создавать только „мусорщиковъ интерпретаціи“, а систематическая ра-

бота, хотя бы и подъ плохимъ руководствомъ, можетъ пробудить дремлющія творческія силы.

Сказанное о необходимости систематическаго изученія философіи, конечно, прежде всего и, такъ сказать, въ первую очередь примѣнимо именно къ гносеологіи. Какъ доктрина пропедевтическая и основоположительная, съ которой, во всякомъ случаѣ, придется начинать каждому, кто почувствуетъ призваніе къ самостоятельной философской работѣ, она должна быть предложена для пробы силъ именно еще въ университетѣ.

IV.

Предметъ и задачи гносеологіи.

Теперь мы можемъ обратиться къ ближайшему ознакомленію съ предметомъ и задачами гносеологіи. Очень часто какъ въ ходячихъ представленіяхъ, такъ и въ научно составленныхъ руководствахъ (учебникахъ по введенію въ философію или даже прямо по гносеологіи) задачи и предметъ ея опредѣляются довольно упрощеннымъ способомъ. Полагаютъ, что какъ преддверіе къ построенію философскаго міросозерцанія, гносеологія должна исполнить свое назначеніе именно въ отношеніи къ этому міросозерцанію, или метафизикѣ. Гносеологія должна рѣшить, возможна ли, въ какой мѣрѣ и при какихъ условіяхъ возможна метафизика. Такое упрощенное представленіе имѣетъ, впрочемъ, свои корни въ довольно почтенной древности. Не восходя даже къ Декарту и Локку, являющимся въ собственномъ смыслѣ его родоначальниками, мы можемъ сослаться на Канта, который аналитическое переложеніе своей „Критики чистаго разума“ назвалъ: „Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik, die als Wissenschaft wird auftreten können“, т. е. „Прологомены ко всякой будущей метафизикѣ“ и т. д. Съ тѣхъ поръ, правда, много воды утекло. Гносеологія сумѣла многими нитями связаться съ вопросами не одной метафизики, а и другихъ наукъ (равно какъ и философскихъ дисциплинъ), — напр., съ вопросами естествознанія, математики, этики, даже социологіи. Притомъ, эта связь оказалась обоюдной: не гносеологія только претендовала на эпическую роль судилища вселенной“, но къ ней дѣйствительно видѣли

себя вынужденными апеллировать, какъ къ рѣшающей инстанціи, сами упомянутыя науки. Казалось бы, пора перестать видѣть въ ней только преддверіе метафизики или, точнѣе, область мытарствъ, чрезъ которыя надо пройти, чтобы попасть въ свѣтлые чертоги метафизическаго вѣдѣнія (иногда, впрочемъ, эта вождедѣнная цѣль и совсѣмъ не достигается, какъ, напримѣръ, у Канта и большинства современныхъ теоретиковъ познанія). Пора бы признать, что гносеологія обслуживаетъ болѣе широкой и почтенный кругъ потребностей, нежели рѣшеніе вопроса: „быть или не быть“ метафизикѣ?

Между тѣмъ, какъ мы сказали, такое упрощенное пониманіе очень распространено. Чтобы взять знакомый русскимъ читателямъ примѣръ, укажемъ на появившуюся не очень давно, во многихъ отношеніяхъ весьма почтенную и компетентную книгу проф. Г. И. Челпанова по введенію въ философію. Здѣсь читаемъ: „Мы желаемъ понять сущность мірового процесса, мы желаемъ дать отвѣтъ на вопросы, въ чемъ заключается первопричина міра, что такое душа, существуетъ ли безсмертіе и т. п. Мы надѣемся разрѣшить эти вопросы при помощи нашего ума, мы надѣемся постигнуть при помощи нашего ума вещи, которыя намъ не даны въ нашемъ чувственномъ опытѣ, которыя недоступны нашему чувственному воспріятію. Но спрашивается, возможно ли такого рода познаніе. Можетъ быть, эти вопросы неразрѣшимы, можетъ быть умъ нашъ по самой природѣ своей не можетъ разрѣшить ихъ. Исслѣдованіе того, что нашъ умъ можетъ познавать и чего не можетъ познавать по самой природѣ своей, и есть задача той философской дисциплины, которая называется теоріей познанія. Одинъ изъ первыхъ указалъ на такое значеніе теоріи познанія для построенія метафизики Кантъ.... Прежніе философы думали, что при помощи чистаго разума, т. е. разума, не пользующагося никакими опытными данными, можно построить метафизику, или науку о сверхчувственномъ мірѣ. Кантъ хочеть подвергнуть критикѣ именно чистый разумъ, т. е. исслѣдовать, можетъ ли въ самомъ дѣлѣ чистый разумъ познавать что либо не данное въ чувственномъ опытѣ“ (*Челпановъ*, Введеніе въ философію, изд. 1, стр. 15—16).

Говоря объ „упрощенности“ такого пониманія задачъ гно-

сеологіи, мы отнюдь не хотимъ оспаривать его;—мы сами, какъ видно изъ предыдущаго изложенія, считаемъ критическую задачу въ отношеніи метафизики весьма существенной и важной; мы только хотимъ указать на односторонность такого взгляда, его неполноту. А усвоенный въ своей односторонности, онъ грозитъ сдѣлаться источникомъ заблужденій. Мы уже говорили, что философія вообще и, слѣдовательно, ядро ея—метафизика—первоначальнымъ матеріаломъ своимъ имѣетъ общія понятія и принципы специальныхъ наукъ (такъ наз. ихъ апріорные элементы), а построения свои начинаетъ съ восполненія пробѣловъ и недоговоренностей этихъ наукъ. Ясно, что даже рѣшая вопросъ о ея возможности и условіяхъ, мы не можемъ этого сдѣлать, игнорируя линію касанія ея съ науками. Другими словами, въ кругъ своего изслѣдованія гносеологія должна захватить и общіе принципы наукъ. А такъ какъ многіе свои вопросы то философія вынуждена такъ или иначе ставить отнюдь не по собственному произволу или по независимой внутренней потребности, а въ зависимости отъ результатовъ научной работы или ихъ гносеологической обработки (примѣрами могутъ служить вопросы о врожденныхъ идеяхъ, о пространствѣ и др.), то, понятно, гносеологія и не можетъ ставить своей задачей рѣшеніе вопроса о возможности метафизики.

Во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія, мы просимъ нашу послѣднюю фразу понимать въ строго буквальномъ и узкомъ смыслѣ, т. е. разумѣть не болѣе и не менѣе того, что мы дѣйствительно сказали: „задачей“ гносеологіи не можетъ быть рѣшеніе вопроса о возможности метафизики. Но мы не сказали, что разработанная до конца, гносеологія не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ. Почти навѣрное можно сказать, что этотъ отвѣтъ въ ней будетъ содержаться. Но задачи свои гносеологія должна опредѣлять независимо отъ цѣли полученія этого отвѣта или, во всякомъ случаѣ, не исключительно ради такого результата.

На основаніи сказаннаго, намъ думается, гносеологію по ея предмету можно было бы вѣрнѣе опредѣлить, какъ *изслѣдованіе факта и идеала познанія*. Этимъ указывается родовой признакъ гносеологіи, ставящій ее въ одинъ классъ съ психологіей и логикой. Но, какъ извѣстно, правило всякаго опредѣленія гласитъ: „*definitio fit per genus proximum et diffe-*

rentiam specificam“. Genus proximum найденъ. Но въ чемъ полагать differentiam specificam? Въдѣ фактъ познанія изслѣдуетъ психологія, а его идеаль—логика. Не подѣлятся ли задачи гносеологіи между логикой и психологіей, такъ что на долю гносеологіи то ничего и не останется?

Что подобный дѣлежъ вполне возможенъ, это доказывается примѣрами гносеологическихъ изслѣдованій подѣ именемъ „логики“: Кантъ назвалъ всю вторую часть „Критики чистаго разума“ трансцендентальной *логикой*; Тренделенбургъ изложилъ свою гносеологію въ „*Логическихъ* изслѣдованіяхъ“; Шуппе пишетъ и издаетъ „*Erkenntnisstheoretische Logik*“ и т. д. А въ психологіи отдѣлъ о познавательныхъ процессахъ образуетъ совершенно законную и весьма видную составную часть.

Протестовать противъ такого дѣлежа, пожалуй, и не было бы надобности, если бы логика и психологія могли при этомъ вполне и исчерпывающимъ образомъ разрѣшить всѣ гносеологическія задачи. Но чисто описательный и даже въ извѣстныхъ случаяхъ объяснительный интересъ психологическаго изслѣдованія, не преслѣдующаго цѣли дать матеріалъ для оцѣнки тѣхъ или иныхъ познавательныхъ актовъ, заставляетъ опасаться, что многіе имѣющіе существенное значеніе для гносеологіи вопросы совсѣмъ не будутъ затронуты. А нормативный интересъ логики ¹⁾ не простирается дальше пріемовъ и формъ научнаго мышленія, изъ условій же и предположеній послѣдняго изслѣдуются, въ лучшемъ случаѣ, лишь ближайшія ²⁾. Такимъ образомъ, отъ психологіи гносеологія отличается своимъ нормативнымъ характеромъ, а отъ логики—тѣмъ, что изслѣдуетъ послѣднія основанія, самыя отдаленныя предположенія познанія. Въ этихъ двухъ отличіяхъ мы и должны признать differentiam specificam гносеологіи.

Итакъ, полнымъ ея опредѣленіемъ будетъ:

Гносеологія есть изслѣдованіе факта и идеала познанія въ его послѣднихъ основаніяхъ.

Гносеологія, по этому опредѣленію, является союзомъ логики съ психологіей для вполне опредѣленной, спеціальной

¹⁾ Въ отличіе отъ психологіи, изучающей *естественные* законы мышленія, логика изучаетъ условія *правильнаго* мышленія, или его *нормативные* законы.

²⁾ Въ формальной логикѣ они совѣмъ не изслѣдуются.

цѣли—изслѣдованія „послѣднихъ основаній и предположеній“ познанія. Изслѣдованіе это производится тѣми же самыми средствами и путями, какими работаютъ и логика съ психологіей въ своей отдѣльности. Но безъ указанной специфической цѣли, ни логика ни психологія могли бы такого изслѣдованія и не предпринять, да навѣрно и не предприняли бы.

Съ точки зрѣнія этого опредѣленія рѣшеніе вопроса о возможности метафизики получаетъ въ гносеологіи свое законное мѣсто, но не захватываетъ всей гносеологіи. Послѣдняя перестаетъ уже обслуживать метафизическій интересъ, а получаетъ болѣе общую и широкую сферу вопросовъ. И тѣ нужды спеціальныхъ наукъ, о которыхъ мы упоминали ранѣе (въ началѣ этой главы), получаютъ въ ея предѣлахъ свое законное удовлетвореніе.

П. Тихомировъ.
